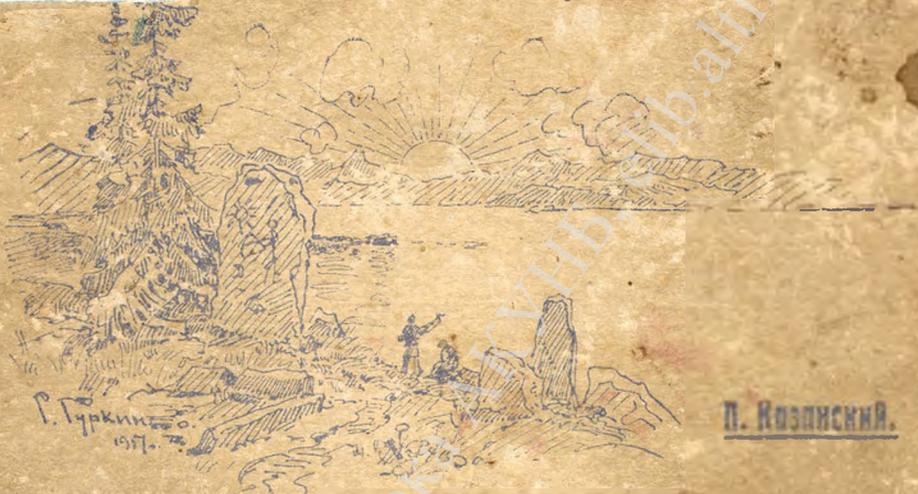

Библиотека „СИБИРСКИЙ РАССВЕТ“. № 6.

К142(С18)

КР.

П. КОЗЛИСКИЙ.

РОДНОМУ КРАЮ.

СТИХИ.

Цена 40 коп.

Издание Культурно-Просветительного Союза Алтайского края.
Барнаул 1918 г.

Тип. Алтайских культурных обществ. Барнаул, Гоголевская, 62.

30343 0

ОЛТАЙСКИЙ ЦЕНТР
4317
ОЛТАЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

БАЙРАЛЬСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ
К/4/621
БИБЛИОТЕКА
(157)

СЕРИЯ
№ 8.000.000
Издана: 26.08.86
г. Барнаул

ОЛТАЙСКАЯ КРАЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

Электронная библиотека АКУНЬ, elib.akunb.ru

Электронная библиотека АКУНЬ, elib.altlib.ru

БАР...

Электронная библиотека АКУНЬ, elib.altlib.ru

2511

П. Казанский.

РОДНОМУ
  К Р А Ю.

СТИХИ.

ИЗДАНИЕ
Культурно-Просветительного Союза Алтайского края
Барнаул, 1918 г.

Электронная библиотека AltLib.ru

История

ВОДИТЕЛЬ
ИЛИ А. П. А. Ю.

ИЗДАНИЕ
1910 г.

СИБИРИ.

Я сын своей страны. Я сын родных метелей,
Чернеющей тайгой окутанных равнин,
Поникших ветками, одетых снегом елей,
Растрепанных берез, трепещущих осин...
Я сын своих равнин, как океан безбрежных,
Что тысячами верст легли из края в край,
От ледяных полей, от тундр угрюмых, снежных,
Туда, где высится сверкающий Алтай.
Я чувствую тебя, Сибирь моя родная,
Понятна мне твоя суровая краса;
Ее не затемнят, иной красой блистая,
В душе сибиряка иные небеса.
Я видел их в краю, где прихоть природы
Устроен уголок для счастья богачей,
Где мерно плещутся синеющие воды
И блещут под луной серебряных ночей,
Где стройный кипарис поднялся горделиво,
И море ласково у ног его шумит,
Где не стоит стеной налившаяся нива,
А сочный виноград как золотом сквозит...
Я видел этот край, горами огражденный
От песен зимних вьюг, прекрасный, как во сне.
Шумел мне водопад про сон замороженный,
И волны синие шептали сказки мне...
Все было так свежо, и красочно, и живо,
Всему дивился взор, все мысль мою влекло;
Но ничего в душе заветного порыва,
Святого трепета, как дома, не зажгло.
И морю, и горам лишь мысль одна внимала,—
Душа звала домой в бессильи и тоске:

Чужую красоту душа не понимала,
Как чудный, звучный стих на чуждом языке.

Я твой, родимый край! К тебе любовью полный
От дальних берегов вернулся я домой.
Шумите для других, синеющие волны,—
В моей душе шумит тайга земли родной.

НА РОДИНЕ.

(Посвящается Г. Д. Гребенщикову).

Раскинулась она неведомым престогом,
Где солнце лишь одно идет своим дозором;
Бескрайностью пустынь, окутанных тайгой,
Хребтами, гордыми серебряным убором,
И степью пыльною, и тундрой моховой.
Всю ширь безбрежную, от края и до края,
От вечных моря льдов до вечных льдов Алтая,
Суровую страну, забытую судьбой,
Всю мыслью быстрою, покорной облетая,
Как очарованный, я вижу пред собой.

*
* *

Нелюдимы просторы забытые
Под шатром темносиних небес.
Сжали тундры, снегами покрытые,
Лиственичный хиреющий лес;
Искривились деревья печальные,
Молят с юга ветвями тепла;
У опушки холмы погребальные
Им хозяйка-пурга намела.
Ветви убраны снежными гроздьями;
Серебрит их, тоскуя, луна....

.....
Слышно—снег закрипел под полозьями,

Вереница оленей видна.
В белой тундре чертой одинокою
Быстро узкие нарты бегут.
Заправляя дорогой далекою,
Весь в мехах, плосколицый якут
Смотрит зорко в просторы окольные;
Сзади—форма и шашка видны;
В середине—туристы невольные
Из далекой-далекой страны.
Бесконечные дали, холодные
Под мерцанием звезд голубым,
Оковали порывы свободные
И забылися сном вековым.
Погасили равнины докучные
Свет былой путеводной звезды...
Только снежные струйки беззвучные
Заметают олени следы,
Заметают дорогу постылую
В даль пустынь из покинутых стран.
Ветер песню заводит унылую
Про закованный в лед океан.

*
**

Бескрайны по сопкам тайги вековые.
Там камень и лес полновластно царят,
Там дремлют по палям болота немые,
В ущельях бурливые реки шумят;
Там хмурый Байкал-скопидом собирает
Без счета живые струи серебра,
Но всё расточая, смеется-играет
Красавица-дочка его Ангара.
За ними, что волны, без счета и края
Хребты поднялись богатырской гурьбой,
Застыли навек, небеса подпиряя,
Как пеной, одеты зеленой тайгой.
Звериные тропы по палям таежным

Теряются в чаще, где выхода нет;
И в хаосе сучьев угрюмо-тревожном,
Бессильный, теряется солнечный свет.

Средь дикого царства неведомых сопок,
У берега буйной, холодной реки
Прижался поселок, затерян и робок,
И взрыты глубоко речные пески.
То в недрах бескрайной тайги нелюдимой,
Оторван от родины горем-нуждой,
Пришелец, безумной надеждой томимый,
Без усталости ищет мираж золотой.
И терпит, безумной надеждой богатый,
И холод, и голод, неправду и гнет,
И роет, и роет упорной лопатой,
И сказку богатства другим создает.
Проглочен безжалостной пастью забоя,
В грязи, по колени в холодной воде,
Промерзлую землю усталой рукою
Долбит он, покорен мечте и нужде.
Бесстрастны угрюмые темные ели;
Скала над забоем черна и строга...
В упорной работе проходят недели...
Шумит, насмехаясь, старуха-тайга.

*
* *

Беловерхи горные громады;
Плащ лесов окутал их бока.
В буйном беге черпая отраду,
Мчатся вниз ревущие каскады,
А вверху курятся облака.
Разрывает ветер злые тучи,
Открывая солнцу выси гор;
Брызжет солнце; и сияют кручи,
И чеканят, горды и могучи,
В синеве серебряный узор...

Вон внизу, меж лиственниц тенистых
Приютился дремлющий аил,
Где под сенью скал седых и мшистых
Дети духа высей серебристых
Ждут судьбы, какую он судил..
А вверх, цепляясь по обрывам,
Между скал и ёрников густых,
По тропы причудливым извивам
Движется с упорством терпеливым
Вереница всадников седых,
Будто сказок витязи былые.
Из-под хмурых старческих бровей
Зорко смотрят очи молодые;
Треплет ветер бороды седые,
Развекает гривы лошадей.
За хребты, в далекое селенье,
В глушь лесов седая едет рать—
Побеждать соблазны и сомненья,
Завершать души освобожденье:
Спор о вере правой завершать.

.....
Высоко, над дремлющей долиной,
Царство льдов, где нет людских дорог;
Только клекот слышен там орлиный.
И спокойны белые вершины
Над путем исканий и тревог.

Степи родимые. Ширь необъятная;
Серые волны широкой реки;
Там, далеко за рекой, тальники
Шепчут какую-то сказку невнятную;
Солнце, да небо, да тишь благодатная,
Травы степей, да речные пески.
Гривы седеют, польнью одетые;
Словно цветная по склонам парча,

Лен голубеет, белеет греча;
Церковь маячит далекой приметой;
Травы звенят: ярким солнцем согретые,
Скачут кузнечики, звонко треща.
Бдро, привольно и радостно дышится,
Трав ароматом пьяна голова...
Зноем залитая степь не мертва:
В сочной ложине, где травы колышутся,
Чу, стрекотанье железное слышится, —
Там под косилкой ложится трава.
Ровною поступью лошади сытые
Ходят, направлены верной рукой.
Труд здесь приволен и весел покой.
Рядом пшеницей, как бархатом, крытые,
Нежатся пашни, росой умытые...
Вон, показался дымок над рекой;
Лопастей слышны удары могучие;
Белый и стройный дворец-пароход
Режет равнину забывшихся вод...
Пара взвиваются клубы летучие,
Ухнул свисток двуголосым созвучием,
Яр ему эхо ответное шлет.
Вздрыгнула, слушает степь молчаливая...
Брошены сходи. На берег крутой
Люди идут торопливой толпой.
Лиц испитых вереница тоскливая,
Впалые груди да взгляды пытливые,
С тихой надеждой и робкой мольбой.
Родины-мачехи дети опальные.
Горя, нужды бесконечную цепь
Им завещала минувшая крепь.
Маняг просторы привольные, дальние
Душу забитую, робко-печальную...
Смокла косилка... Задумалась степь.

Родная сторона! Склоняюсь пред тобою.
Поругана людьми, обойдена судьбою,
Не ведая друзей, ты всё идешь вперед
И, будто молотом, упорною борьбою
Из всех страдающих куешь ты свой народ.
И тем, кто, в кандалах, твердил тебе проклятья,
Открыла молча ты широкие объятия,—
И проклинавшие тобой покорены:
Они не узники, они друзья и братья,
Поруганной земли суровые сыны.
И тех, кого нужда гнала в твои просторы,
Кто, помня край родной, твердил тебе укору
И мачехой считал, и тех ты приняла,
И им и глушь тайги, и дремлющие горы,
И ширь своих степей бескрайных отдала.
Пройдут ряды годов... И, раны исцеляя,
Ты всех в одно сольешь, на жизнь благословляя,
И бодро в мир войдешь, судьбой закалена...
И сын иной земли, о жизни размышляя,
Промолвит о тебе: „Великая страна!“.

1913-й год.

ПАМЯТИ Н. М. ЯДРИНЦЕВА. *)

(7 июня 1914 г.)

Прошло уж двадцать долгих лет
С тех пор, как нет его меж нами...
Но жив и ярок светлый след;

*) Николай Михайлович Ядринцев, писатель и путешественник, сибиряк родом, первый стал говорить и писать, что Сибирь должна пользоваться теми-же правами, что и Россия. Он настаивал на том, чтобы была прекращена ссылка, учрежден в Сибири университет и даны ей земство и широкое местное самоуправление. За эти речи Н. М. Ядринцев попал под суд и несколько лет провел сам в ссылке. Умер Ядринцев 7 июня 1894 года в Барнауле, где и похоронен.

Примеч. издательства.

Звучат незримыми струнами
Его заветные слова,
Зовут по прежнему к надежде.
Пусть— „умер он“—твердит молва,—
Не верю я: он жив, как прежде!
Он жив, пока жива Сибирь
И в даль идет своей дорогой,
Пока ее немая ширь
Полна надеждой и тревогой,
Пока идет она вперед
И расцветает к жизни новой,
И закаляет свой народ
В борьбе с природою суровой.
Доныне он в сибиряка
Любовь к земле родной вселяет;
Его незримая рука
Шаги Сибири направляет...
И лишь тогда уйдет во мрак,
И лишь тогда он жить устанет,
Когда и слово «сибиряк»
Звучать в Сибири перестанет.

ДЕДУШКЕ.

(Г. Н. Потанину*)— 20 сентября 1915 г..)

Дедушка ласковый, умный-разумный!
Внуков твоих по Сибири не счесть.

*) Григорий Николаевич Потанин, писатель и знаменитый путешественник, был близким другом Н. М. Ядринцева и вместе с ним настаивал на улучшении положения Сибири и на ее самоуправлении, за что и попался заключением в крепости и ссылкой. Но преследования со стороны царского правительства не заставили его отказаться от своих убеждений. После смерти Ядринцева, Г. Н. Потанин продолжал его работу по отстаиванию прав Сибири на лучшую жизнь. Г. Н. Потанин жив и сейчас; 20 сентября 1915 года ему исполнилось 80 лет, и вся сознательная Сибирь отпраздновала этот юбилей.

Все-то сегодня ватагою шумной,
Все-то идут, воздают тебе честь.
Как не воздать тебе чести! Не даром
Восемь десятков промчалось лет,
Полных святым, побеждающим жаром:
Жаром тем край оживлен и согрет.
В дикой пустыне, угрюмой, холодной,
Где за сокровища люди дрались,
Светочем жизни разумной, свободной,
Путь указавшим в желанную высь,
Был ты. Широко открылась дорога,
Светом твоих озаренная дум,—
К жизни могучей от жизни убогой,
К солнцу культуры, бодрящему ум.
Дедушке дружное внуков спасибо!
Много их светлой дорогой пойдет,
Лишь на пути ветерки донесли-бы
Дедушкин голос: „К рассвету, вперед!“.

НА ОБИ.

Т и х о.

Кайма далеких тальников
За серую водой,
По тине стайки куликов,
На солнце мошек рой,
Вдали уснувший обласок
С фигурой рыбака,
Свод неба, ярок и высок,
Да серебро песка.
Простор, и воля, и покой.
Светла речная сталь.
Тревога жизни городской
Ушла неслышно в даль;

И не манит, и не зовет
Кипучей жизни шум,
И не тревожит вечный взлет
Неугомонных дум.

.....
Чуть слышный шум. Вдали дымок...

Темнеет и растет...

И, как белеющий чертог,

Пронесся пароход.

Ушел, разрыв равнину вод,

Нарушив чары сна;

И недовольно в берег бьет

Тяжелая волна...

И снова пусто на реке;

Лишь небо, да песок,

Да тихо дремлет вдалеке

Рыбачий обласок,

Да солнце яркое горит

Над тихою рекой.

И снова ласково царит

Сняющий покой.

В е т е р .

Серые волны мутные встали,

Бьются о берег, глухо шумят.

Серые тучи радость украли:

Тусклы без солнца заречные дали,

В них тальников чуть мерещится ряд.

Ветер-бродяга сбросил оковы,

Злобно-угрюмый начал полет.

Вызов на битву шлет он, суровый,—

Гаснут вдали безответные зовы...

Песню бродяжью воег-поет.

Пусто над Обью. Ветра порывы

Взрыли равнину серой реки;

И над кипящей волной у обрыва,

Словно в экстазе немого призыва,
Ветви простерли с мольбой тальники.
Тусклое небо свегом свинцовым
Словно убило красок игру.
Солнце лучем ослепительно-новым
Не отзовется на злобно-суровом,
На одиноком ветра пиру.

Как не бывали теплые ласки,
Солнцем согретый сияющий сон.
Вместо былой зачарованной сказки—
Туч нелюдиные тусклые маски,
Злобно-го ветра бешеный стон.
Серые волны пеной одеты,
Серые тучи низко бегут...
Сердце тоскует по краскам и свету,
Просит улыбки, просит привета...
Думы тоскливые голову жгут.

Т у м а н.

Солнце встает над рекой многоводной,
Гонит рассветную сырость и тьму.
Ночь побежденная в злобе холодной
Бросила вызов ему.
Клочья тумана космами селыми
Тихо ползут от росистых лугов;
Сходятся молча; рядами густыми
Строятся вдоль берегов...
Вот поднялись стеной лиловатой,
Грузно на тихую воду легли;
Двинулись тусклой волною косматой,
Отняли свет у земли.
В мертвенно-белой бесформенной мути
Сгнула светлая даль без следа;
Небо исчезло; и полная жути,
Тусклая скрылась вода.
Нет ничего. Лишь, тревожны и дики,

Слышатся где-то в тумане свистки,—
Жизни испуганной в хаосе крики,
 Полные жуткой тоски...
Смолкли, задушены мглой всеильной,
Тщетно о солнце и дали моля.
Будто накрыта плитою могильной,
 В саван одета земля.

Н о ч ь.

Тьмой одетая сказка ночной тишины,
Тихий плеск о песок полусонной волны,
В темной бездне небес тихих звезд огоньки
Да костры рыбаков, далеки-далеки.
В даль ушли, утонули во тьме берега;
Ароматом цветов тайно дышат луга.
Тихо. Только порой звонко рыба плеснет,
Да уснувший тальник что-то смутно шепнет.

.....
Чу, во тьме далеко где-то весла стучат.
Наплывает ударов ритмический ряд...
Ловит тень на воде тьмою скованный взор,
Ловит ухо негромкий с реки разговор...
Зашуршала вода у размытой земли.
Звуки весел уходят... уходят... ушли.
Замер отзвук последний, пропал вдалеке...
Дышит ласкою ночь на уснувшей реке.
Словно нежною тайной окутался мир;
И поет тишина, как неведомый клир;
И напев тишины над усталой душой
Бестревожно звучит, навевая покой.

Под Сургутом.

(Белая ночь).

Не гасит ночь лучей заката;
Чуть светит бледная луна.

Светла холодная волна,
Холодным светом даль объята.
К знакомым грезам нет возврата,—
Душа неведомым полна.
Ни ночь, ни день. Меж тьмой и светом
Умолк упорный вечный спор,
И в полночь дали видит взор.
Но в небе тьмою не одетом.
Не дышит ночь своим приветом.
Леса таят немой укор,
Укор ушедшему полюю.
И ветви трепетных осин
Глядят недвижные с низин,
Одетых пасмурной тайгою,
И ели темной чередою
Застыли четкостью вершин,
И жаждут отдыха ночного.
Но тьмы лишенный странен сон:
Свинцовый свет со всех сторон,
Без тени, без луча живого,
Как греза странная больного,
Нарушил отдыха закон.
И в жуткой мертвенности света
Не видно жизни суеты.
И никнут яркие мечты,
Не встретив яркого ответа,
Дыханьем жизни не согреты
В бесстрастии мертвой красоты.

✓ З и м а.

Обь—в серебряной кольчуге.
Брызги блеска—гладь реки.
На далеком белом луге
Четко встали тальники.

Снег в сиянье правду прячет,
Строит замки белых чар,—
Светлым облаком маячит
В белой дымке дальний яр.

Гладь—дорога! Кони—птицы!
Темным блеском глянет лед;
Снежной пыли вихрь крутится,
Обвеваает, обдает.

В белом вихре, в буйном беге
Обгоняем мы обоз.
Блещет солнце в ярком снеге,
Щиплет весело мороз.

Эй, вы, думы, прочь с дороги!
Даль светла и широка.
Прочь, заботы и тревоги,
Сгиньте, злоба и тоска!

Мчитесь, кони, мчитесь, други!
Светлой дымкой даль курись!
Обь в серебряной кольчуге,
Ярче блеском озарись!

НА ТОМИ.

Над усыпанными галькой разноцветной берегами
Разрослись кусты акаций по обрывам серых скал;
А за светлую рекою, за душистыми лугами
Бора синюю полоску глаз невольно отыскал.

Широка, светла, привольна многоцветная картина.
И, лаская слух журчаньем, солнцу, воле, жизни рад,
Под лучами отливая синевою аквамарина,
Через галечную косу бьет веселый пережат.

Разбегаясь, разливаясь на веселом пестром ложе,
Мчатся звонко и беспечно говорливые струи,
И под их немолчный говор ярче, радостней, дорже
Расцветают на свободе грезы светлые мои.

Будто с плеч долой свалился, без остатка разом
Прижимающий, унылый гнет безжалостной судьбы.
Вольный дух проснулся в сердце; развернулся,
Просит воли без предела, бодрой, радостной борьбы.

Просит сердце, оживая, от тревоги отдыхая,
Расстегнуть вольнее ворот да на весла приналечь,
И борясь, и побеждая, смело волны разрезая,
Хоть на миг без думы сбросить бремя буден с
вольных плеч.

НАД ГЛАДЬЮ ПРУДА.

Склонились березы над гладью пруда,
Любуются в зеркале влаги спокойной
Чертою стволов в неподвижности стройной;
И ласково дремлет под ними вода.

И дремлют березы в прозрачности знойной,
Истомою летнего полдня полны,
И видят спокойные, светлые сны
О сказке, полдневого солнца достойной.

Струятся мечты, тишиной рождены;
В их ласковом ритме забылись березы...
О дремлющей вечности робкие грезы
До первого ветра, до первой волны.

ТАЛЬНИКИ.

Над сонным озером склонились тальники.
Печалются... и ждуг, глядясь в его пучину,
Что крылья вольных бурь, могучи и легки,
Развеют чары сна, разгонят их кручину...

*
* *

Дробится и ревет на озере волна.
Трепещут тальники от края и до края
И просят в ужасе спокойствия и сна,
Побеги гибкие с мольбою простирая...

ПО БАРАБЕ.

Всё те-же унылые, тусклые дали,
Всё рощицы тощих, неярких берез...
Безмолвные хоры чарующих грез
Над этой землей никогда не летали:
Усталою волей творца рождена,
Бескрайными глазами дремлет она.

Болотные дали. Камыш, и осока,
И тощие пашни, и снова камыш.
Тревожит лишь ветер унылую тишь,
Да серые тучи ползут невысоко,
Да ястреб угрюмо и тихо кружит
И сонной земли тишину сторожит.

Проходят часы вереницей тоскливой;
Мелькнет и уходит верста за верстой...
Равниной бескрайной, уныло-пустой,
В извечном безрадостном сне молчаливой,
Уносится поезд скорее вперед,
Где новая даль и живет, и зовет;

Туда, где ласкают и манят просторы
Дремучих лесов и заоблачных гор,

Где камень и волны затеяли спор,
И схватками их наслаждаются взоры.

Сменяются версты. Но даль далека...
Всё те-же березы... и та-же тоска.

✓ ПО ПРИАЛТАЙСКОЙ СТЕПИ.

По простору бойко звеня,
Колокольчик мой раздается.
На душе светло у меня.
Смотрит солнце, словно смеется,
Из далеких, синих высот,
Из безбрежной, ясной святыни.
Воздух чист и сух, и несет
Горьковатый запах полыни.
Полной грудью жадно дышу.
Эка ширь, простор да свобода!
Ничего сейчас не прошу, —
Улеглись печаль и невзгода.
Тонет взор в безвестной дали.
✓ Далеко село на пригорке;
Тихой зыбью гривы легли...
Как глаза становятся зорки...
Вон вдали, за гранью степной
Чуть синеют сопки Алтая...
Налетела удаль волной,
Запьянила ширь золотая!
Эх, под горку... Ну, понеслись!
Не беда, ямщик не трусливый;
Ухнул, гикнул, только держись!
Как волной могуче-игривой,
Подхватил нежданный полет.
В даль ушли дороги извивы...
И вперед, вперед и вперед...
Эй, дружнее! с гривы на гриву!

ВЕЧЕРНИЙ ПОКОЙ.

Степей простор усталый
Вечерней полон тиши.
Заката отблеск алый
У сел румянит крыши.

Там колокол тяжелый
Роняет волны гула,
И ждут поля и села,
Чтоб даль под звон уснула.

Тихонько тьма оденет
Ее тогда покровом,
Знакомое заменит
Таинственным и новым...

Избушки не боятся
Во тьме остаться сами,—
Ей станут улыбаться
Веселыми огнями;

Потом закроют очи
Для тихих сновидений,
И будет полог ночи
Хранить покой творений.

ТАЙГА.

Холодной лаской северной лазури
Оскорблена холодная тайга
И, темное чело свое нахмуря,
Стоит горда, угрюма и строга,
Презрением встречая тишь, и бурю,
И лета зной, и зимние снега.

И сумрачным могуществом прекрасна,
И вечной неизменностью страшна.

Царит она угрюмо и всевластно,
Холодного спокойствия полна;
И смерть, и жизнь приветствует бесстрастно,
Бесстрастием природы создана.

И я один. Видения и грезы
Испуганы, молчат. Близка, близка
Неясная, холодная угроза.
Трепещет мысль, как крылья мотылька,
И падает... Ни смех, ни стон, ни слезы,—
Одна тоска, мертвящая тоска.

✓ ТРИ ПЕСНИ.

(Посвящаю М. Щ.)

На моей стороне мало сел, городов;
Вместо хлебных полей да вишневых садов —
Жуть угрюмой тайги, выси горных цепей,
Неоглядная ширь необъятных степей.

На моей стороне не поют гуслиары;
И поэта мечты не звенят до поры;
Три безвестных певца словно видятся мне,
Три напева звучат на моей стороне.

*
* *

✓ Чайка-ли плачет над зыбью холодною?
Ветра-ль в ушелях тоскующий зов?
Волны-ли бьются о камни бесплодные?
Песня-ли слышится дико-свободная,
Дико-свободная в жути лесов?

То меж горами народ вымирающий
Смотрит, как в юрте всю ночь напролет
Кам, про грядущие беды гадающий,
Бьет в исступлении в бубен рыдающий,
В бубен рыдающий бьет и поет;

В юрту убогую, дымную, душную
Духов Алтая могучих зовет...
Слышишь? Колеблются выси воздушные.
Слышишь? Слетаются духи послушные,
Духи послушные с горных высот.

С камом беседуют ратью летучею;
Всё, что решили в нездешнем краю,
Каму откроют, и скажут могучую,
Низко нависшую грозную тучею,
Грозную тучею волю свою.

Кружится кам. Иступленною пляскою
Прочь отгоняет неведомый гнев.
Перед природы безжалостной маскою
Дышит наивною страшною сказкою,
Страшную сказкою дикий напев.

*
* *

Из тумана, ненастья и мглы
То-ли лязг, то-ли стон наплывает...
То звенят и звенят кандалы,
И под звон арестант напевает:
Про свои удалые дела,
Да про цепи, тюрьму и неволю,
Да про счастье, что жизнь не дала,
Что развеяно ветром по полю.

Не во время-ль родился на свет,
Или заклят судьбой, заколдован,
Чтё ни воли, ни радости нет?
Что живет он, железом окован,
За решеткой, за крепким замком,
Далеко от деревни родимой,
Наделенный тузом да пайком,
Да тоскою и злобой томимый?

Видит птицы свободный полет
И тайгою одетые сопки...
И про волю бродяжью поет,
Про заветные к родине тропки.
И тоску проклинает змею,
И неправду, что в мире творится;
Рассчитаться за долю свою
С виноватым и правым сулится.

*
* *

Сквозь недвижный воздух летний
Улыбнулся луч последний;
Золотится степь вдали.
Тишиной земля объята...
Краски алые заката
На полнеба расцвели...

А в деревне над рекою,
Меж нуждою и тоскою,
Загулял честной народ.
Там нестройно, гаму вторя,
С тишиной вечерней споря,
Песня пьяная плывет.

Порожденье тьмы и скуки,—
Льются воюющие звуки
Бесшабашно и вольно.
Сколько удали кипящей,
Силы, даром уходящей,
Разом подняло вино!

Всё, что спало, что таилось,
Что давным давно копилось,
Жизнь покорную глуша,—
Вихрем всё смешалось вместе.
Просит воли, просит мести,
Просит удали душа.

Песня воеет, песня стонет,
Будни трезвые хоронит,
Удаль пьяную зовет.
В буйном, радостном загуле
Мысли блестящие потонули...

.....
Берегись, гульба идет!

1910-й год.

ДВЕ ДОРОГИ.

Было время—верста за верстой
Серой лентой тянулась дорога,
И толпа за усталой толпой
Шли по ней жертвы тьмы и острога.
Шли и шли, кандалами звеня,
Распевая про горькую долю,
Прочь от яркого жизни огня,
В беспросветные дебри, в неволю.
И встречала там каторга их,
Рудников раскрывала могилы
И в таинственных недрах своих
Хоронила их гордые силы.
И средь русской широкой земли
Все, в ком сердце свободное бьется,
Без проклятья назвать не могли
Ту страну, что Сибирью зовется.

Шли года—и стальной полосой
Протянулась дорога другая,
И змея за железной змеей
В даль ползут, и гремя, и сверкая.
По дороге блестящей стальной,
Тучей дыма и пыли обвиты,
Пробегают вагоны чредой...
И решетками окна забиты.

За решетками люди сидят,
Распевают про горькую долю
И под свист паровоза летят
В те-же дебри и в ту-же неволю.

1908-й год.

С Н Е Г.

Серый город в белый плащ оделся,
Засиял на солнце, как алмаз.
В серой мгле соскучившийся глаз
В ярком блеске радостью согрелся.
Миллионы искорок цветных
В снежной пене блещут переливно
И зовут в простор степей родных,
Где дороги в даль бегут призывно;
И смеется радостно душа,
Волей дали блещущей дыша.

*
* *

Двор тюрьмы нежданно бел и ярок;
В белых шапках будки и забор...
С тайной злобой смотрит хмурый взор
На природы радостный подарок.
Все тропинки белая зима
Пеленой пушистой укрывает...
Не крепка посылая тюрьма,
Да на воле ветер завывает
И кует серебряную цепь,
Хороня в снегах тайгу и степь.

З И М Н Е Й Н О Ч Ь Ю.

Снежные искры по белым полянам,
Снежная пена на черной хвое.
В белую даль по дороге-змее
Лошади мчат. Серебристым обманом

Смотрит местами безжизненный блик
Лунного света средь бора глухого.
Нет ни намека, ни звука живого:
Дремлет на козлах мохнатый ямщик;
Дремлют под снегом сосновые ветки,
Жизни угрюмым покоем грозя;
В шубе, в дохе шевельнуться нельзя;
Мысли дремотны, медлительны, редки...
Словно неведомый мертвенный мир;
Словно холодная лунная сила
Бор, и снега, и меня покривила,
Молча уносит в холодную ширь...
Мертвая ширь без конца и предела,
Где не засветит, приветно-далек,
Робкий, но теплый, живой огонек,
Где необъятность во мгле онемела...
Молча, сливаясь в неясной струе,
Мимо мелькают холодным туманом
Мертвые искры по белым полянам,
Мертвая пена на черной хвое.

И Н Е Й.

В неподвижности мороза
Встала солнечная греза,
И зарделась, зазелась, раньше мертвенно-бела,
Улыбнулась, распахнулась перламутровая мгла.
И под ясными лучами,
Утомленные ночами,
Глубиною, синевою засветились небеса,
Розовея, будто млея, стали сказкою леса.
Ветви голые одеты
Будто прелестью привета,
Как угрозы серой прозы в мягких, ласковых словах,
В снежно-чистых, нежно-мшистых, серебристых кружевах.

Светло-облачным узором
Тихо встали перед взором
И белеют, думу сеют, бестревожно-глубоку,
И ласкают, усыпляют, серебрят мою тоску.
Тише, ветер беспокойный:
В царстве грезы бело-стройной
По привольям, по раздольям загрустивши, не вздохни,
Светлой ласки белой сказки мимоходом не смахни.

ОТТЕПЕЛЬ.

Свод неба выше, голубей,
Немолчно шепчутся капли,
И по притаявшей панели
Задорно скачет воробей.
Слегка дороги зачернели,
Неслышен санок мягкий бег,
И отряхают влажный снег
С ветвей в саду соседнем ели.
И чудится и говор рек,
Бегущих светлою долиной,
И крик далекий журавлиный,
И всё, что в даль ушло навек.
И светлы прошлого седины:
Я знаю — беды пролетят,
И новой жизнью заблестят
Сегодня мертвые руины,
По старому чаруя взгляд.
Пусть шлет зима свои угрозы,
Пусть крепнут новые морозы, —
Их леденящий душу яд
Развеют радостные грозы
И мир весною подарят.

ВЕСЕННИЕ РУЧЬИ.

В лесах и на степи весна, справляет пир.
Встает под яркими лучами золотыми,
Под солнца ласками святыми
Для новой жизни старый мир.
И тают мертвые, холодные покровы,
И оживают вновь уснувшие струи,—
Круша бессильные оковы,
Катятся буйные весенние ручьи.
Катятся радостно, без усталы вперед;
Всосаться-ль в грудь земли, под солнца-ль
вешним жаром

Подняться к небу легким паром,
Иль помогать реке ломать тяжелый лед,—
Равно им весело. Сверкают, и бурлят,
И, кончив жизни путь, незримо исчезают;
И вместо говора и блеска оставляют
Ложбин и рытвин черных ряд.
...Но пусть уже ручьи не льются говорливо,—
Нагого ложа их не посетит тоска:
На месте их вершин—засеянные нивы,
На месте устьев их—свободная река.

ВЕСНОЙ.

Отчего-то спокойно и весело мне,
Словно в сладком навеянном сне;
И всему улыбается мирно душа,—
И природа, и жизнь хороша.
Словно нет у меня средь житейских дорог
Ни нужды, ни забот, ни тревог;
Словно звезды глядят из бездонной дали
И зовут за собой от земли.
Окогала меня чаровница весна
Целью яркого, легкого сна

И ведет по цветам, изумрудным путем
В царство грезы о рае земном.
От людей ухожу я на берег реки,
Где, сверкая, цветут огоньки,
Где поет без конца, и тиха, и звонка,
Беззаботные песни река.
Там рассудка холодного голос молчит,
И весенняя песня звучит,—
Напевают ее вешний день, тишина,
И ковры огоньков, и волна:
„Не грусти о былом,—не навеки печаль
Нам сулит бесконечная даль,—
Где бывают весна, и любовь, и цветы,
Там покажешься, счастье, и ты.“

ЗАВЕТ КУРГАНОВ.

Там, где о скалы крутые
Рвет свои волны седые
Грозный старик Енисей,
Вольных степей великаны—
Встали немые курганы,
Память неведомых дней.
Вройся в их темное чрево.
Глянет ни гостя без гнева
Древнего князя скелет;
Молча отдаст укршенья,
В инов, жен прин шенья,—
Жизни исчезнувшей след.
Будто из мира иного,
Тайного мира былого
Властный промолвит привет:

„Древних курганов копатель,
Прошлого чуткий искатель,
Прошлого слушай завет:

Здесь ты в могильном покое
Знамя нашел боевое;
Пусть-же не дрогнет рука!

Твердо носи это знамя—
Жизни негаснущей пламя—
Дальше, из века в века!“

✓ ГИМН СВОБОДНОЙ СИБИРИ.

Сбылась былая небылица,
Пришла великая волна.
Сибирь, вчерашняя темница,
Сибирь—свободная страна.

Свободы взмах,—и спали цепи.
Свободы взлет,—и мы вольны.
Снега вершин, тайга и степи
Ее лучем озарены.

Стряхнув оковы вековые,
Цвети, цвети, родная ширь!
Сестра воспрянувшей России,
Живи, свободная Сибирь!

1917-й год.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Сибири	стр.	3.
На родине	"	4.
Памяти Н. М. Ядринцева	"	9.
Дедушке	"	10.
На Оби	"	11.
На Томи	"	16.
Над гладью пруда	"	17.
Тальники	"	18.
По Барабе	"	—
По приалтайской степи	"	19.
Вечерний покой	"	20.
Тайга	"	—
Три песни	"	21.
Две дороги	"	24.
Снег	"	25.
Зимней ночью	"	—
Иней	"	26.
Оттепель	"	27.
Весенние ручьи	"	28.
Весной	"	—
Завет курганов	"	29.
Гимн свободной Сибири	"	30.

81
228
1.28

СТАВРЕННЕ

Электронная библиотека АКУНЬ, elib.akunib.ru

Электронная библиотека АКУНЬ, eliv.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНЬ, eliv.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, eLIB.altlib.ru

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ СОЮЗ

Алтайского Края

издает произведения сибирских писателей, а также произведения российских писателей, изображающие Сибирь, под общим названием:

Библиотека „СИБИРСКИЙ РАССВЕТ“.

ВЫШЛИ В СВЕТ:

№ 1. Георгий Гребенщиков — «В полях»	—	цена	30 к.
№ 2. Александр Новоселов — «Сибирский Маршал»	—	»	20 к.
№ 3. Вяч. Шишков	— «Чуйские были»	»	30 к.
№ 4. Ст. Исаков	— «Там, в горных долинах»	»	30 к.
№ 5. А. Жиликов	— «В тихих лесах»	»	30 к.
№ 6. П. Казанский	— «Родному краю». (стихи)	»	40 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ № 7.

Арт. Ершо (Артем) — «В поисках родины».

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ.

Вяч. Шишков — «Помолились»

— «Обозотень»

Георгий Гребенщиков — «В тиш. степей».

— «Волчья жизнь».

— «Змей горыныч».

Александр Новоселов — «Жабья жизнь».

И. Гольдберг — «Большая смерть».

— «Олень»

— «Последняя смерть».

Ф. Филимонов — Стихи

П. Казанский — Алтайские легенды.

«Хан Алтай» — сборник стихотв. разных авторов.

Г. Вяткин — «Праздник» и другие рассказы.

— «Стихи о Сибири».

А. Жиликов — «Во мгле».

— «У истоков жизни».

Предполагается к изданию рассказы и стихотворения как перечисленных, так и других сибирских и российских авторов.

Размер каждой брошюры, приблизительно, 16—32 страницы.

Склад издательства — в г. Барнауле, Алтайской губ., Пушкин. ул., Книжн. маг. „Сибирск. Рассвет“.

Упаковка и пересылка — за счет покупателей.

Книжные магазины, кооперативы и общественные организации, выписывающие не менее 10 экземпляров одного названия, пользуются скидкой в размере 20%.

Все брошюры издаются по новому правописанию.